

«Я бухала всю ночь водку, пиво, вино, А потом самогон, мне уже все равно. На опухшем лице оливье, винегрет. Опустел кошелек. А тебя, сволочь, нет!»

Исполнитель «Масяня».

Утро, как поётся в известной патриотичной советской песне, начинается с рассвета.

Новогодняя ночь закончилась и наступал этот самый рассвет. Первое января, как водится у некоторых людей — самый засушливый день в году. В этот день начинаешь понимать, что изобретателям пива надо ставить памятник при жизни и выплачивать сразу две нобелевских премии досрочно. К несчастью, в этот раз я попала в число таких ценителей пенного напитка. Тётя Ира спала за столом мордой в салат из крабовых палочек, а я пластом лежала на диване. Разлепив кое-как глаза, я обвела взглядом комнату. Телевизор был выключен. В углу переливалась светодиодной гирляндой огней новогодняя ёлка, и на её ветках вместе с игрушками повисли трусики и бюстгальтер тёти Иры. Ещё один, теперь уже Леночкин, свисал с люстры, покачиваясь на бретельке. Воняло сигаретным дымом и спёртой кислятиной. На столе творилось вообще чёрт знает что. Из огромного блюда с соусом по мексикански тонущим Титаником торчала часть моей туфли, а через весь стол протянулись мои же колготки.

Из трёх бокалов на столе стоял лишь один, и он был доверху набит окурками. Праздничная скатерть пестрела разводами от вина и шампанского, и по всему столу были раскиданы оливки с апельсиновыми корками. На полу в беспорядке валялись объедки вперемешку с осколками разбитой тарелки и наполовину обглоданными костями курицы гриль.

Повеселились. Попытавшись повернуть голову, я вдруг ощутила простреливающую боль, ядовитым щупальцем впившуюся в мозг и застонала. Уй-юй-юй. А — а-а-х. Вместе со Снегурочкой встанем в хоровод! Ах какой чудесный праздник Новый Год! Ну да, Дедушка Мороз приходил вчера со Снегурочкой, и я с ним пила на лестничной клетке какую-то гадость. А затем полезла целоваться к его напарнице — этой самой Снегурочке. А он думал, что ему обломится. Ага. Губозакаточную машинку не прихватил? Как на мои ножки пялился. А как Снегурочка смешно отбивалась!

А я всё равно её поцеловала, причём прямёхонько в пухленые губки. И языком щёчку полизала. Нахально запустив руку под полы её короткого бело-голубого маскарада, я нашупала упругую попку и впилась в неё длинными накладными ногтями. После чего Снегурочка, размахивая руками во все стороны, и размазывая на лице макияж, ломанулась наутёк вниз по лестнице, даже не попытавшись нажать на кнопку вызова лифта. Дедушка Мороз в два счёта залпом опростал чекушку с дешёвым пойлом прямо из горла, смачно крякнул и поскакал вслед за Снегурочкой, причём на его физиономии отображался полнейший конфуз. Шоумен херов. Тётя Ира наблюдала сцену моего пошлого лесбийского поведения из проёма полуоткрытой двери своей квартиры, а я напоследок хищно облизнулась, и вернулась назад в коридор. Она, кажется, всё поняла, но дверь не закрыла и никуда не отошла. Я посмотрела на неё и — чёрт возьми! На лице её читалась алчная похоть. Всё же как-то надо подниматься. Превозмогая боль, я пошевелилась и села, спустив с дивана ноги. В голове зазвонил колокол, а язык намертво присох к нёбу. Кое-как я заставила себя встать. Покачиваясь, я направилась в кухню и вытащила из холодильника вмig запотевшую

банку пива. О-х, какая прелесть! Словно нектар, льётся холодный терпковатый пузырящийся напиток и возрождает к жизни замученный за ночь разномастным алкоголем юный организм. Выпив залпом сразу всю банку, я сама удивилась тому, как легко и свободно во мне поместился такой объём пойла. Я не убирала свою руку и почему-то даже шевелиться боялась, лишь бы она задержала свою ладонь на моей подольше, а может быть прикоснулась этой рукой мне где-нибудь ещё. Ну прикасайся же дальше! Тётя Ира внимательно наблюдала за моим лицом. Дразнит, что ли? Наконец, убрав свою руку, она с ослепительной улыбкой пригласила меня в машину. Я уселась рядом с ней спереди, и машина тронулась. Я знала, что покраснела, и чтобы скрыть волнение, разорвала пачку с чипсами и начала громко хрустеть, засовывая по одной себе в рот. — Как тебя зовут? — спросила она.

— Саша.

— Саша, ты очень красивый мальчик. Ты в курсе, что чипсы есть вредно? Они разъедают желудок и печень. От этого портится цвет лица, оно стареет, и вообще от них пользы никакой. Не ешь эту гадость. Если хочешь, я дам тебе свежую булочку.

— Спасибо тётя Ира, я не хочу булочку, и чипсы есть не буду — сказала я и потом добавила — раз вы не хотите, чтобы я их ела.

— Что значит ела, не ела, ты что, не мальчик?

— Не-а — ответила я.

Она долго смотрела на меня и чуть не проехала на красный свет. Затем сказала:

— С ума сойти! Но... ты правда Саша?

— Ну да, Саша, только не Александр, а Александра. Уже девятнадцать лет.

Тётя Ира перестала меня поучать и молчала всю дорогу, периодически как-то загадочно на меня поглядывая.

А влюбилась я в неё, когда ещё на первом курсе училась. Выходя из подъезда, я как обычно прошла мимо парковки и увидела её возле машины. Тогда мы только переехали на новую квартиру и я здесь никого не знала. Лена уже сидела в машине. А тётя Ира случайно уронила ключи, и они упали куда-то в траву. Женщина меня не заметила и грязно, как сапожник выругалась. Она принялась их искать, раздвигая туфлём заросли. Ну а я видела, в какое место они упали. Я подошла и нагнулась за ними. Передо мной вблизи оказалась её стройная ножка там, где край юбки выше колена, и я невольно залюбовалась. Мне до чёртиков захотелось припасть губами туда, под юбкой повыше, и я едва сдерживалась. А тётя Ира протянула руку и я подала ей ключи. Мне показалось, что она заметила мой взгляд, только виду не подала.

— Спасибо мальчик — сказала она — я наверное нехорошо тут ругалась, ты не слушай. Ты на учёбу?

— Да — я снова опустила взгляд на её ногу, а эта тётя её вдруг выставила вперёд, так что она оказалась близко от моего лица и поковыряла каблучком землю. Она что, специально это делает? Дразнит? Затем она убрала ногу и только после этого я поднялась с корточек. Когда я поднималась, то видела, что Лена повернула голову в мою сторону и с нескрываемым любопытством наблюдает за происходящим. И тётя Ира тоже, перед тем как сесть в машину, смерила меня долгим изучающим взглядом.

— Я бы тебя подвезла, но очень спешу. Извини, в следующий раз.

А однажды я стояла в подъезде возле лифта и ждала, когда он подъедет, как рядом со мной нарисовалась фигура тёти Иры, а за ней появилась неизменная Лена.

— Ты вызвал? — спросила она.

— Ага, уже едет.

Дверь открылась, и мы вошли в тесную кабинку. Лифт тронулся, а я стояла напротив тёти Иры и ощущала на себе её запахи и нежное дыхание. Она была совсем близко и меня к ней влекло. Она вдруг машинально подняла руку и большим пальцем погладила мне лицо и губы. Она просто вытирала шоколад, который я до этого ела, и, наверное, выпачкала губы. А может и не просто, а очень даже намеренно. Ведь если подумать, то мои вымазанные губы ей должны быть до одного места. Ну, можно было просто замечанием ограничиться. А она полезла мне в лицо. И как-то уж больно долго и чересчур нежно она елозила пальцами по губам, всё время трогая за щёки. Как в собственном кармане шарила. Но я так и не убрала от себя её руки.

— Ты заселся, так нехорошо. Вот тебе платок — и она вытерла мне губы уже платочком.

Она говорила, а я слышала её словно в тумане. Могучая волна сексуальной страсти всколыхнула моё тело от каких-то обычных прикосновений, и я начала предательски краснеть. Обычных? Уж как-то через чур ласково она это делает. А Лена внимательно за всем наблюдала, причём губы её были приоткрыты и что-то беззвучно шептали. Сестра или не сестра? А может, выдаёт за сестру свою любовницу. Во всяком случае, мужчин в окружении этих дамочек я ни разу не видела. Лифт остановился, и они вышли, причём Лена на выходе тоже прикоснулась пальцем к моему лицу. А я оставалась в этой дурацкой кабинке, не смея пошевелиться. Я стояла, опустив голову и мяла в руках платок, который мне дала эта тётя. Я чувствовала, как между ног у меня всё промокло, и приятное тепло от их рук ощущалось ещё долго. Я догадывалась, что не просто так они руками ко мне лезут. Наверное, знают что мне приятно, и потихоньку, в ненавязчивой форме соблазняют. Но такие мимолётные встречи покамест ни к чему не приводили. Шло время, я перешла на третий курс и отпраздновала двадцатилетие.

Родители переехали, купив себе квартиру в новострое, а эта досталась мне. Я жила одна, и связей ни с кем не заводила. Почему? Возможно, из за этих двух красоток, которые явно проявляли ко мне повышенный интерес. А может всё это случайно, и я вбила себе в голову очередную блажь? Но чёртова тётя вместе с сестричкой, словно наваждение, мне по ночам уже стали сниться. Честно, я не знала что мне делать. Как-то уж больно откровенно она красовалась передо мной своими ногами и слишком бесцеремонно прикасалась руками к моему лицу. Если бы я захотела, то наверное, перетрахалась бы уже с десятком, а то и поболее любовниц. В соцсетях таких предложений знакомств было валом. Но мне было страшно завязывать такие сомнительные романы. Не дай бог вляпаться в какое нибудь дерымо. И всё чаще мечтала про секс с этой холодной красоткой тёти Ирой.

Новый Год. Пожалуй, самый главный праздник для всех. Ощущение необычности и новизны. Наступление перемен, или хотя бы иллюзия того, что они наступят. Поздравления, пожелания, и всё такое. Как в детском стихотворении про Новый Год. Вроде так: «говорят, под новый год что ни пожелается, всё всегда произойдёт, всё всегда сбывается». Я подготовилась и приоделась. Долой рваные штаны. Да здравствует короткая юбка, облегающие колготки и туфли на тонких каблучках. Эти атрибуты любую делают сексапильной, даже дурнушку. Не зря же в песне поётся — в короткой юбочке длиннее ножки кажутся. И туфли тесные. Зато как смотрится. Я стояла перед зеркалом, украшенным праздничным серпантином, и любовалась собой. Что же, хороша. Я вышла на лестничную клетку и позвонила в заветную дверь. На пороге стояла она, тётя Ира и тоже одета была

классно. Вот она во всём коротком, словно ёлка нарядная, блестит и сверкает. Как водится, я поздоровалась и поздравила её с Новым Годом.

— Тётя Ира, а у вас штопора нет? А то старый год провожать. Я кинулась, а бутылку открыть нечем.

— Классно выглядишь. Вот это да. Не какой-то пацан-замухрышка, похожий на гея. А красавица-царевна. Найдём штопор. А что, у тебя гости?

— Нет, я одна.

— Одна на Новый Год? Обалдеть просто. Ну так заходи, вместе и проводим старый год. И Новый Год встретим. Такая девочка как ты, нуждается в чём-то внимании.

— Не, у вас там наверно народу полно, мне неудобно.

— Ладно, я штопор потом занесу — она захлопнула дверь у меня перед носом, и я от злости так топнула ногой, что чуть не сломала каблук.

Штопор конечно же, у меня был. Но тётя просто так не хотела клевать на дешёвую приманку. Тем не менее, я ей понравилась. Я сидела, и под бой курантов бухала сам на сам. Как же затащить эту тёту Иру к себе в хату? Такую полянку накрыла, и нет никого. Всё же я чокнутая. Всё надеюсь на что-то. И тут долгожданный звоночек в дверь. Ага, пришла всё-таки. Открыв дверь, я увидела на пороге разодетого Деда Мороза и Снегурочку. Весьма экстравагантная парочка с претензией на высокопробных актёров. Правда, Дед Мороз с гримом явно недохимичил. Сразу в глаза бросается, что не дед никакой, а парень максимум лет под тридцать. Снегурочка, однако, ничего.

— С новым годом поздравляем, счастья, радости желаем — Дед Мороз сказал скороговоркой. Он был явно навеселе, а Снегурочка, ну просто красавица. Правда, до тёти Иры не дотягивала. Но потрахаться с ней я бы не прочь.

— Тогда на брудершафт — предложила я и принесла недопитую бутылку шампанского. Раз нет никого, так хоть с ними накачу. Чего-ж в одиночку то спрятать.

— С тобой красавица, хоть на брудершафт, хоть на край света — сказал насмех загrimированный Дед Мороз.

— Ловлю на слове, Дедушка.

— Тогда выпьем этот волшебный напиток — и он полез в свой красного цвета мешок. Долго рылся, словно свинья за трюфелями, но наконец извлёк на свет божий из недр мешка квадратную чекушку с какой-то тёмной жидкостью. Ну а я подала бокалы. И Дедушка Мороз разлил, причём себе больше всех, а Снегурочке самую малость. Мерзавец ушлый. Ладно, сейчас я вам свой спектакль устрою.

— Ну что, выпьем за новый год?

— Давай.

Снегурочка протянула бокал, ну а Дедушка Мороз — красный нос, со мной на брудершафт перекрестил руки. Хорошо, чёрт с тобой. Я глотнула обжигающую дрянь, и почувствовала, как вонючее дермо плюхнулось в желудок расплавленным свинцом. А дедушка потянулся ко мне своими пьяными мясистыми губищами. Подавив приступ тошноты, я ловко вывернулась, и крепко обняла не ожидавшую подвоха Снегурочку. От неожиданности она уронила бокал, и он со звоном разлетелся о бетонный пол. В её глазах отразилось неподдельное удивление, а я, дыхнув на неё перегаром дешёвой сивухи, приникла к её губам. Она попыталась вырваться и нелепо замахала руками, но мой хищный язык уже вовсю шурвал в её ротике, а рука облапала её за попку. За этой непристойной, бес tactной, и, вероятно, развратной сценой

наблюдала тётя Ира. По всему было видно, что ей настолько понравилось, ну прямо глаз оторвать не может.

Походу, вначале в дверной глазок наблюдала, а потом уже и вовсе вышла для, так сказать, наиболее детального просмотра пошлого моего лицедейства. Дальнейшее произошло само по себе. Я и не думала, что моя пьяная выходка повлечёт за собой то, о чём я так долго и безнадёжно лелеяла в своей лесбийской душе. Дед Мороз и Снегурочка с позором бежали, но тётя Ира вдруг оквазилась возле меня. Затащив меня в мою же квартиру, она крепко обняла меня, и начала осыпать поцелуями лицо, постепенно опускаясь на шею и грудь. Её руки мяли мои вмиг затвердевшие холмики. Затем одна рука оказалась у меня между ног и обжигающе блаженные прикосновения ощущались где то там, в глубине моей пещерки.

— Саша, Сашенька — шептала она — расслабься, я полюблю тебя, я сделаю тебе хорошо.

— Давай, бери меня — отвечала я.

Тётя Ира деловито разложила меня на диване и уселась верхом. И тут я почувствовала ещё чьё-то присутствие. Гладкие колени обхватили мою голову сверху и мягкие руки легли мне на плечи. Надо мной склонилось лицо Лены, и она ухмыльнулась. Тётя Ира сидела на мне верхом, всё время прикасаясь и покручивая мне твёрдые сосочки. Надо мной оказались два нежных холмика уже тёти Иры, выскочившие из глубины её нарядной майки, и я, подняв руку, погладила их пальцами. Самыми кончиками. А Лена деловито расстёгивала на мне рубашку. Обе её ладони плотно и неотвратимо легли на мои упругие мячики и блаженная истома разлилась по всему телу. Я послушно выгнулась и застонала. Тётя Ира склонилась надо мной и продолжала наклоняться. Её лицо приближалось к моему, и в какой-то момент оказалось между рук Леночки, гладивших мою грудь. Ирочка по очереди поцеловала её руки, и после этого прижалась к моим губам. Встретившись с её языком, я ощутила новый прилив страсти, и снова застонала. После долгого и мучительно желанного поцелуя, Ира подвинулась ближе, и передо мной оказалась её промежность. А Лена, уступив ей место, пристроилась у меня между ног.

Я почувствовала, как нежные губы и влажный язычок пнастойчиво ласкают мне губки на влагалище, и сладкий яд наполняет моё тело, как разъедающая кислота. Руки тёти Иры погладили меня за лицо, и её промежность прильнула к моим губам. Тётя Ира и Лена возбуждались. Я ощущала их горячее дыхание, и мягкие скользящие движения четырёх рук по моему телу. Мои пальцы настырно скользнули в пещерку тёти Иры, которая вовсю дышала страстью. Затем я поводила кончикам языка по губкам и тётя застонала. Девки мною овладели, и я трепетала от страсти. Я давно мечтала о сексе с тёлей Ирой, но даже и в мыслях не допускала, что они трахнут меня сразу вдвоём. Мне это нравилось, и я заводилась. Сладкие волны блаженства пробегали по моему телу. Запах возбуждённых женщин. Он не сравнится ни с чем. Из влагалища Иры обильно потекло, а я вовсю дразнила языком твёрдую горошинку в лубине её пещерки. Девушка двигалась мне навстречу и почти кричала. А я продолжала настойчиво ласкать. Я сама пребывала в той фазе возбуждения, когда тело становится невесомым а мысли из головы вылетают напрочь. Остаются только чувства и ощущения. И приближение чего-то мощного, как ураган. От ласк Лены я тоже текла как дойная корова, и чувствовала, что вот-вот, как Новый Год наступит желанный оргазм. И он наступил у нас почти одновременно, подобно взрыву в моей голове и разошёлся сладостной судорогой по всему телу. Отдышавшись, Лена вдруг сказала:

— Ни хрена себе. Как тебе такое, Ира?

- Вообще класс. Вот это Новый Год.
- Саша, когда ты кончала, тебе хорошо было?
- Правда не помню. Но очень хорошо. Я, наверное, ещё захочу.
- Ладно, давай выпьем ещё, да поедим, поляна просто супер. Для кого накрыла?
- Не знаю. Наверное, для вас.
- Ну что Саша, на брудершафт по очереди?
- Давайте. Ура. С вами хоть целую вечность. Только не с этим Дедом Морозом.
- Уж кого, а его точно уже не будет.

Что было после? Да то и было. Наступил Новый год. Мы набухались втроём, и потом трахались снова и снова. Как в сказке. Вроде как-то так: Три девицы за столом пили поздно вечерком. Не, не то. Вот так: Три девицы под столом пили поздно... Нет, не вечерком, а под утро уже. Всё равно не то. Ладно,протрезвею, потом допишу.

ARHIMED